

Джорджо де Кирико
«Ностальгия по бесконечности»
(Метафизическая живопись)
1911

ОБ ИНЫХ ГОРИЗОНТАХ ЗДЕШНЕГО

АПОЛОГИЯ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Сергей Жигалкин

ОБ ИНЫХ ГОРИЗОНТАХ
ЗДЕШНЕГО

АПОЛОГИЯ
ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2019

УДК 1/14
ББК 87.7
Ж 68

Жигалкин С. А.

Ж 68 Об иных горизонтах здешнего: Апология вечного возвращения. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-907117-09-9

Вечное возвращение всех вещей, здешнее как отражение запредельного... Эта доктрина, известная тысячи лет, смыкается с учениями Пифагора и Гераклита, атомистов и стоиков, даже неоплатоников, хотя формально последние и не принимали её. Связанная с ней полемика была интенсивной в ранней и поздней Античности, немного угасла в Средневековье и Новое время, но ныне, благодаря философу Фридриху Ницше, стала вновь актуальной. В книге рассматриваются основные положения этой доктрины, как выясняется, глубочайшие, при этом акцентируется её принципиальное отличие от концепции циклических повторений. В ракурсе данной доктрины обсуждаются «вечные вопросы», преследующие человечество с изначальных времён. Среди них происхождение мира, судьба мимолётного, перспективы по ту сторону смерти, смысл и бессмысленность жизни, вообще бытия, время обычное и время в вечности, звёздное небо и бесконечность, тайна *ничто*.

**УДК 1/14
ББК 87.7**

ISBN 978-5-907117-09-9

© Жигалкин С. А., 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

Содержание

Ностальгия по прошлому	9
Прошлое и будущее не существуют	17
Прошлое и будущее существуют	19
Прошлое и будущее и существуют, и не существуют	21
Об отличии «было» от «есть» и о вечности преходящего	23
Стоики: первоначала и первоэлементы, возникновение космоса, воспламенение	24
Стоики: возрождение того же миропорядка	28
Тождество и равенство: $A = A$ и $A = B$	31
Пифагорейцы о возвращении тождественных миров	33
Упущение Немезия	34
Про размышления о запредельном	37
О происхождении времени и, соответственно, мира	38
Всемирное время	45
Субъективное и объективное время	49
Линейное время	52
Геометрические элементы сами по себе и как символы времени	57
Символ течения времени — круг	61
О сравнениях времени с кругом	69
Мартин Хайдеггер: вечное возвращение — способ существования сущего	74

Ориген о вечном возвращении	77
Вечное возвращение и воскресение из мёртвых	82
Об утверждении и отрицании мира	94
Время вечности.	102
Провозвестники, последователи и исследователи.	109
Второе рождение вечного возвращения	111
Основная концепция книги «Так говорил Заратустра»	115
Вечное возвращение Ницше: главные положения.	122
Равенство или тождество?	122
Прямая или круг?	122
Повторение как приближение к возвращению	122
Две вечности и круговое течение времени	125
Гипотезы о наивысшем мгновении великого года	132
Гипотеза о новом рождении	138
Безысходность и скука или роскошь и красота круга времён?	142
Последний человек.	148
Категорический императив вечного возвращения	152
Про этику Канта	152
Про этику Ницше.	155
Про этику стоиков	158
Путь к полдню и вечности	161
Вечное возвращение того же самого и возвращение обыкновенное	167
Возвращение (рассказ).	172
Другие смыслы возвращения	179
Мгновение, представшее вдруг как безумно знакомое.	183
Ещё немного о том же	188

Гераклит и Парменид	188
Фалес и другие	188
Поток становления Гераклита	193
Вечное и неизменное Парменида	200
Единство учения Гераклита и Парменида в свете вечного возвращения	206
То же самое в интерпретации Хайдеггера	207
Между прочим	212
Атомисты	214
В продолжение темы: симпатия к вечному возвращению как к избавлению от неизбежности ничто	234
О принятии собственной судьбы, земной и небесной	240
Другие горизонты вечного возвращения Ницше	253
Спекуляция о небытии до рождения	258
Ах, Хорхе, Хорхе... (Полемика с общепринятым мнением)	269
Вечное возвращение как вывод, а не исходный догмат	311
К началу...	313
Литература	314

Ностальгия по прошлому

Иногда случайное воспоминание, грёза о канувшем в Лету былом могут вдруг вызвать непонятное, но притом сильное чувство: неземную тоску, необъяснимый порыв неизвестно куда. Будто приблизилось, но не раскрылось что-то поистине грандиозное, к чему мы стремились всю жизнь, не сознавая того. Ностальгия по прошлому. Вместе с ней пробуждается сонм всевозможных эмоций, различных у разных людей: восхищение, страх, удивление, грусть... Однако сама ностальгия всегда неизменна: она остаётся собой независимо от набора эмоций и при любом отношении к ней, будь то презрение или мечтательный романтизм. Например, у поэта Николая Агнивцева в стихотворении «Вы помните былые дни...», написанном в 1923 году, ностальгия сопровождается печалью по безвозвратно утерянному, ламентациями и сантиментами:

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!!

.....

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьёт его последний час
На Петропавловских курантах!..

.....

И, белым облаком скользя,
Встаёт всё то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя
И позабыть что невозможно!..

А у Евгения Головина в стихотворении «и дырявая автомобильная шина...» ностальгия по прошлому предстаёт в атмосфере изрядной иронии в отношении данного мироздания и всякого рода его населения:

и дырявая автомобильная шина
и скомканный обрывок газеты
и ржавая консервная банка
и продавленный пинг-понговый шарик
и разорванная бабочка и всё

что было когда-то и хранило воспоминания
о небе в пене одуванчиков
о роскошной жизни удара
о почтовом ящике
о распластанном рёве мотора и всё

что было когда-то и надеялось
на идеальную метаморфозу
в павлина в цистерну в дирижабль и всё

что сверкало и шуршало и билось и летело
и теперь
ожидая сожжения
в концлагере мусорной свалки

вспоминает потерянный парадиз своей формы

Но в чём же секрет самой по себе ностальгии по прошлому — что именно вызывает волнение, беспокойство?

На первый взгляд — сожаления об ушедших моментах красивых, счастливых, возвышенных, например о былых юности, силе, расцвете, надеждах, мечтах, как в стихотворении про автомобильную шину.

Но это, однако, слишком поверхностно, даже неверно: ностальгия, которую мы имеем в виду, — чувство иное, хотя сожаление об утерянном рае былого и связано с ней, поскольку способно её пробудить. Ведь ностальгия по прошлому может возникнуть и без реминисценций об эпизодах счастливых, блистательных: воспоминания о страданиях, боли, кошмаре тоже, случается, вызывают её. Потому, вероятно, что, страдания очищают, открывают иной горизонт, то есть тоже сопровождаются мгновениями высочайшими.

Можно было бы предположить, что ностальгия по прошлому связана с воспоминаниями о любых мгновениях необычных, неважно, исполненных счастья или несчастья. Главное, что в такие мгновения, в поворотные точки судьбы, всё привычное разрушается и мы вдруг оказываемся в ином космосе, в ином измерении, огромном, неведомом, непостижимом, что, как выясняется по прошествии времени, и было важнее всего.

Но даже мгновения неординарные тоже, по сути, лишь провокаторы подлинной ностальгии. Ведь её могут вызвать и воспоминания о самом что ни на есть повседневном: тропинка в саду, знакомая до невозможности, учитель у классной доски, шмель на цветке, чтение книги на чердаке — всплывающих образов не перечесть.

При этом случается, что мыслей и чувств пришедших на ум былых эпизодов не вспомнить совсем. Выходит, что главное не постижения и переживания тех давних лет. Тогда что?

Быть может, куда-то ушедшая прошлая жизнь, вся целиком... Её ни за что не хотят потерять, какой бы она ни была. Жестокий протест, бунт души, против гипотезы её окончательного исчезновения выражают, допустим, следующим образом:

И так ужасно знать, что впредь
Не повторится день вчерашний
Для тех, кто должен умереть!

*(Игорь Северянин. Стихотворение
«Тоска небытия»)*

Но что означает «вся жизнь целиком»? Вспомнившийся эпизод, попавшаяся на глаза вещьца тех лет — это символ былой нашей жизни, который указывает на неё, подразумевает её, сразу всю. Однако «вся наша жизнь» не предстаёт перед нами словно законченное живописное полотно, а постигается лишь как *ощущение*, без образов, звуков и слов. Будто забывтый секунду назад яркий сон, оставшийся только как чувство... недосмотренный сон, в который мы очень хотели бы возвратиться, но не понимаем, ни как, ни куда...

Хотя, отправляясь от промелькнувшего воспоминания, можно многое соединить, воссоздать, разрозненные эпизоды, пусть многочисленные, ещё не приводят к раскрытию жизни как целого. Целое — нечто другое, чем просто сумма частей, оно — нечто большее, чем мы в состоянии вообразить. Тем не менее мы как-то чувствуем, знаем его...

Ностальгия, о которой мы говорим, много шире и глубже, чем ностальгия по юности, счастливым дням, пройденным испытаниям, постижениям и прозрениям и даже чем ностальгия по прожитой жизни, взятой в единстве и в целом. Ведь её вполне могут пробудить также грёзы, где личная жизнь вообще ни при чём: например, о веках и народах ушедших, о событиях легендарных, об исчезнувших континентах, цивилизациях, городах, о странных созвездиях первозданного неба, о невообразимых закатах, рассветах, пейзажах далёких эпох, о явившихся тогда демонах, людях, богах...

Ностальгию по ныне забытому счастью, известному разве что звёздам, которые светят из бездн изначальных времён, выражают, положим, так:

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней.
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это — звёзды светят вечно
Над землёю без теней.
В их сиянии бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

(Александр Блок. Стихотворение
«Там, за далью бесконечной...»)

Однако сугубо личное, как это ни парадоксально, в общем-то отсутствует даже и в личных воспоминаниях. Ведь вспоминая эпизоды своей прошлой жизни, не воспринимают себя прошлого, как теперешнего себя: это какой-то другой человек, пусть очень нам близкий, понятный, но всё же *другой*, некогда живший в совершенно другом мире, пусть бесконечно знакомом. Этот *другой* больше похож на *других*, на всех прочих людей, чем на нас: он — это образ и форма, герой жизненной драмы, персонаж, то есть *объект* внешнего мира, а не *мы сами*, присутствующие в настоящем мгновении, не наше «я», не душа, не *субъект*. Вникая в данное впечатление, нетрудно понять нетождество нас самих с собственной личностью и отделить своё прошлое от себя.

То есть ностальгия по прошлому — это не только ностальгия по личному прошлому, но и по прошлому мироздания, не только по личной жизни, но и по жизни вообще, по бытию.

Однако приравнивать ностальгию по прошлому к ностальгии по жизни кажется странным, даже нелепым. Считается, что прошлое не существует, пропало, его больше нет, поэтому его вполне можно желать. Но жизнь никуда не девается и не пропадает, она просто всюду вокруг, как в данный момент, так и всегда. Мы сами и есть эта жизнь. А разве возможна тоска по тому, чем и так обладают в избытке?

Пусть это звучит и абсурдно, но ностальгия по прошлому не всегда обращена только к прошлому, бывает, и к настоящему. В моменты сияния форм, безумного счастья, полноты бытия, на вершине вершин со всей очевидностью или же скрытно присутствует также тоска, неземная тоска. Более

того, она может нас охватить и в мгновения непримечательные, если эти мгновения предстают перед нами иначе — будто явившись из сферы стерильных грёз, в той атмосфере, в которой былые мгновения являются в воспоминаниях. Словно в образах, действиях этих мгновений зашифрована вся наша жизнь, не только здешняя, но и совершенно иная — забытая, очень далёкая, неизвестная, быть может, небесная... Причина нездешней тоски не только в том, что, даже сказав мгновению «ты прекрасно», его всё равно не остановить, что оно мимолётно и вскорости пропадёт, но и в том, что мгновение это есть зримая тайна, что открывшегося в нём неуловимого не уловить.

«Над родником умираю от жажды». Омар Хайям, Джалаладдин Руми, Франсуа Вийон и другие понимали эту изысканную фразу каждый по-своему, но всё же она несомненно относится и к ностальгии по настоящему — по этому самому мигу, явленному из беспредельности и вдруг представшему перед нами во всей своей непостижимости и всём совершенстве.

Когда погружаются в воспоминания, та жизнь представляется не такой, какой она нам казалась в те времена: она представляется фантастической, райской, роскошной. Страдания, страсти, заботы, привязанности давних времён забываются и исчезают, жизнь очищается и раскрывается в измерении подлинном, трансцендентном. Мало сказать, «роскошной» — жизнь предстаёт как сама сверхъестественная красота, в целом и в частностях. Неудивительно, что она столь желанна для нашей души. В ностальгии по настоящему, когда отстраняются от себя и погружённость в жизнь не мешает увидеть эту самую жизнь, случается то же самое: мгновение, жизнь раскрываются в измерении трансцендентном. Ну а если заботы, насущное всё-таки превалируют, трансцендентное измерение настоящего раскрывается позже — когда оно удаляется в прошлое.

Измерение это и есть тайный предмет ностальгии, к нему она, собственно, и обращена.

Пришло время сказать, почему мы вообще говорим о ностальгии по прошлому. Всё дело в том, что она — то самое чувство, на которое мы намерены опираться в последующих размышлениях и которое, как мы надеемся, поможет не отклоняться от курса под действием вихрей иных, а также ассоциаций хаотических и неопределённых. Углубиться же мы собираемся в тайну течения времени и связанную с ней странную судьбу всего вызванного к бытию.

Ностальгия по прошлому включает в себе и желание *возвращения в прошлое* или *возвращения прошлого*, правда, возможно, раскрытого в его грандиозной, в его подлинной перспективе. Проиллюстрируем это желание, для нас очень важное, строфой Готфрида Бенна:

Кто может возвращаться в грёзах,
того не сдержит смертная структура,
пред тем восстанет древний Круг —
аллея сфинксов, эра саг¹.

(Стихотворение «*Wer Wiederkehr
in Träumen weiß*»)

Желание возвращения прошлого иной раз приводит к весьма странным мыслям, как будто нелепым, однако на самом-то деле имеющим основания, причём серьёзные. Например,

¹ Wer Wiederkehr in Träumen weiß,
den dämmt kein sterbliches Gefüge,
dem aufersteht der alte Kreis,
die Sphinxalle, die Sagezüge.

Некоторые цитаты в этой книге приводятся по известным, ранее изданным переводам (см. список литературы), но большинство заново переведены либо отредактированы автором. — С. Ж.

к следующей мысли о превращении прошлого в будущее, к предчувствию их метафизического совпадения.

«В лихорадочном внутреннем пейзаже медлительно плыли обрывки воспоминаний, словно клочки разорванного облака, их медлительность доводила до головокружения, и постепенно созревало воспалённое сомнение: воспоминание ли это, готовое рассеяться, или фантом, готовый к неведомому воплощению?».

(Томас Оуэн. Рассказ «Дама из Санкт-Петербурга»)

Мысли, прозрения, чувства людей необычных о прошлом можно приводить бесконечно, и эта игра увлекает, но прежде чем всё же закончить её, приведём очень важную запись Фридриха Ницше о ностальгии по прошлому, в которой — и это главное — философ даёт ориентир для всех ищущих её разрешения¹.

¹ Понятно, что можно вообще не считаться с ностальгией по прошлому, подавлять это чувство и жить исключительно настоящим, плюс, вероятно, и будущим. Так поступают нередко, ведь что ушло, то ушло, его не вернуть, и незачем думать о нём, тем более горевать. Позиция непростая и даже вызывает симпатию, однако сказать, что придерживающиеся её никогда не испытывали и не испытывают ностальгию, никак нельзя, поскольку не было бы ностальгии, не нужно было бы прилагать усилий, чтобы избавиться от неё. То есть причина стремления всё забыть и жить настоящим — прежде всего ностальгия. Можно сказать, что такое стремление — своеобразный метод её разрешения. Путём отрицания. Но из-за отказа признать ностальгию по прошлому причиной стремления отринуть это самое прошлое эта позиция представляется всё же сомнительной.

И вот ещё что: без воспоминаний, сознательных и особенно бессознательных, мы не имели бы никакого представления о движении как таковом (см. пояснения в следующей главе) и, соответственно, о течении времени, о жизни вообще, понимаемой как перемены, процесс. То есть именно память, воспоминания открывают нам сей переходящий мир, эту жизнь. Ещё и поэтому углубление в сущность воспоминаний, в ностальгию по прошлому представляется важным.

«Тот царь постоянно думал о бренности всех вещей, чтобы не относиться к ним слишком серьёзно и сохранять спокойствие среди них. Мне же, наоборот, всё кажется настолько ценным и важным, что никак не может быть мимолётным: я ищу для всего вечности: разве можно выливать в море драгоценные вина и умащения? Вот в чём моё утешение: всё, что было, — вечно: море снова вынесет всё обратно».

(«Воля к власти», 1065)

Этого ориентира, постижения «вечности мимолётного», в дальнейшем будем как-то придерживаться также и мы.

Со сказанным можно согласиться или не согласиться, но нельзя не согласиться с тем, что есть ностальгия по прошлому, тоска по коснувшейся нас, но так и не понятой роскоши бытия.

Прошлое и будущее не существуют

Обычно считают, что прошлое не существует — превратилось в фантом, обречённый, померкнув в забвении, исчезнуть, рассеяться навсегда. Не существует и будущее — есть только грёзы о нём. Но если придерживаться данного мнения, не избежать множества трудных вопросов.

Во-первых, каким образом прошлое и будущее могут так завораживать нас, если они не существуют? Разве может несуществующее, небытие оказывать столь сильное воздействие на существующее, влиять на весь мир, изменять ход вещей?

Во-вторых, из-за быстротечности настоящего вообще непонятно, что называть существующим: любой окружающий нас мир ни на миг не задерживается в бытии и молниеносно превращается в несуществующий, в небытие. Хоть на секунду остановить взгляд на чём-либо существующем, зафиксировать его в своём восприятии оказывается невозможно. Всякий ландшафт пропадает мгновенно, сменяясь другим.

В сознании остаётся лишь отпечаток увиденного, о котором мы, собственно, и размышляем. Это всегда не настоящее, а уже прошлое — несуществующее, небытие, с которым мы странным образом имеем дело в нашем уме. И так всегда — мы размышляем о прошлом, о будущем, уходим в безотносительные данному мигу фантазии, мысли, но никогда не обдумываем действительно существующее — настоящее. Оно неизменно ускользает от нашего ума.

К примеру, совсем непонятно, как мы вообще видим предметы, особенно движущиеся, допустим, идущего человека. В идеальном мгновении, то есть в подлинном настоящем, никакого движения нет, поскольку в нём нет никакой временной пролонгации. Выходит, мы видим предметы не глазами, а умом, в бессознательных сферах коего из серии временных отпечатков предмета складывается представление о нём как о целом, которое мы и принимаем за движущийся перед нами предмет. Но какое отношение имеет это сложнейшее *представление* о предмете к предмету, существующему в настоящем? Почти никакого, так как является лишь осмыслением и упорядочиванием несуществующего прошлого. Насколько такое осмысление адекватно и чему оно, собственно, адекватно — большой вопрос. К тому же всякое осмысление требует времени, поэтому не исключено, что того, что мы будто бы видим перед собой, на самом-то деле больше уж нет: плывущий по воздуху мыльный пузырь, где отражается всё окружающее, вдруг лопнул, исчез, но мы всё ещё видим его в течение наносекунд, пока зрительное впечатление взрыва, распространяющееся не мгновенно, ещё не достигло нашего сознания и ещё не сложилось в нашем уме в представление о случившемся событии.

В-третьих, считается, что настоящее не возникает из ничего, но формируется прошлым. То есть что прошлое является причиной настоящего. Но если прошлого не существует, то не существует и никакой причины настоящего, то есть оно создаётся заново в каждый момент, причём из ничего, с

полного нуля. Однако неясно, как в таком случае объяснить очевидную взаимосвязь настоящего с запечатлённым в нашей памяти прошлым — схожесть ландшафтов, предметов, живых существ, континуальность процессов, событий.

Как это так, чашка кофе, которую держишь в руке, явилась сюда непосредственно из небытия — оттуда, чего просто *нет*?

В-четвёртых. Память есть зеркало, в котором индивидуум видит себя, видит былое. Это зеркало — путь к самопознанию и познанию мира, опасный и трудный, но следовать коим необходимо. Если же в этом зеркале отражается вовсе не сущее, а исключительно небытие, всякое представление о себе и о мире будет заведомо ложным — будет лишь тенью, лишь шлейфом небытия. То есть все наши знания о себе и об окружающем мире окажутся не основанными ни на чём, не приложимыми ни к чему, не имеющими никакого отношения к подлинно сущему. Таковым же тогда окажется и убеждение в несуществовании прошлого...

В-пятых, если настоящее, превращаясь в прошлое, рано или поздно окончательно выветривается из памяти всех людей и исчезает совсем, то решительно непонятно, зачем оно было нужно и в чём его смысл — зачем тогда нужен весь этот изменчивый мир?

Прошлое и будущее существуют

Так же проблематично и противоположное утверждение: прошлое и будущее существуют, причём не в памяти и воображении, а сами по себе. То есть мы движемся по линии времени словно путник, бредущий тропинкой в лесу, и в каждую следующую секунду перед нами открывается новый ландшафт, который существовал и до того, как мы в нём оказались, и преспокойно продолжит существовать, когда мы уйдём. Но *как* и *где* существуют прошлое и будущее, простыми словами, без сложных теорий не объяснить.